

Зигмунд Кинси

История Борделей

С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН

Зигмунд Кинси

История борделей с древнейших времен

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5825070

Кинси Зигмунд История борделей с древнейших времен: ЗАО Издательство Центрполиграф;

Москва; 2013

ISBN 978-5-227-04055-8

Аннотация

Книга о примечательном историческом явлении в его развитии с древнейших времен до XVIII века. Основываясь на документальных источниках и классических текстах, а также мемуарах популярных исторических персон, автор проводит своеобразный экскурс по домам свиданий государств Древнего мира, античного Средиземноморья, средневековой Европы, арабского Востока, Китая, Японии, заглядывая под конец в будуары блистательного Парижа. Однако повествование не ограничено рамками заявленной темы. Освещаются и другие приватные стороны жизни социума, такие как брак, супружеский секс, законы привлекательности, взаимные измены, фаворитизм при королевском дворе, гарем, жертвы во имя красоты и прочее.

Содержание

Пролог	4
I. В глубине веков	6
Любовь в пещере	7
Блудницы в стране клинописи	14
Вавилон, Палестина и Египет: приключения во дворцах и храмах	19
II. Афины: любовь, вино и философия	26
Две Афродиты	27
Споры, описанные в «Диалогах»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Зигмунд Кинси

История борделей с древнейших времен

Пролог

В любом городе или деревне, в любой стране, в любую эпоху есть тайные места, где можно купить за деньги любовь.

Храмы богинь-распутниц, отдающих своих жриц чужестранцам, афинские диктериконы и эрагстерии, римские лупанарии, китайские сады пересекающихся тропинок, осененных ивами, японские домики и лодки на реке в квартале наслаждений, районы красных фонарей в Нью-Йорке, Амстердаме и Париже, casini Венеции, будуары либертинов, где проповедуют особую философию наслаждения – кощунственную и завораживающе-смелую, тайные апартаменты или общественно полезные учреждения, трущобы или дворцы... столько названий для обозначения той части реальности, которую часто скрывают, шифруют, о ней говорят обиняками или только намекают, а порой и многозначительно молчат. Это та часть реальности, что посвящена Эросу (Эроту). У крылатого божка свои жрицы и свои слуги; его приверженцы работают за деньги и, поклоняясь божеству Любви, хранят в веках самую древнюю профессию. Его городские и загородные храмы скрывают за своими стенами древнейшие таинства совокупления и дерзкие эротические игры.

Время от времени власти пытались их запретить или по крайней мере поставить под контроль. Но регулярно в эти заведения втихомолку, а часто и не скрываясь наведывались добропорядочные отцы и приводили с собой сыновей, чтобы посвятить их в тайну, как когда-то так поступали и их отцы. И очень часто порядочные жены получали «приветы» от развратных женщин, подруг своих мужей до свадьбы – болезни, о которых не принято говорить, которые очень долго не умели лечить, которые делали женщин бесплодными, детей – слепыми от рождения, мужей лишали сил и рассудка.

Кто-то уверен, что мир продажной любви ставит под угрозу нравственность – там, где любовь становится чем-то, что можно продать и купить, процветают и другие преступления: грабежи, убийства, обман. Напротив, те, кто считает себя реалистами, говорят, что все это в порядке вещей, что нужно отводить юношескую энергию и легализовать распутство, это лучше, чем понапрасну с ним бороться.

Что же до женщин, живущих среди разврата и преступлений, то они сами выбрали такую жизнь, не правда ли? Если они погибнут, случившееся будет справедливым возмездием за греховность их натуры.

Иногда у этих женщин рождаются дети, чья судьба незавидна. Зачатие редко радует таких матерей. От младенцев часто пытаются избавиться при рождении. Подрастая, они твердо запоминают, что насилие является неотъемлемой частью любви, и, едва вступив в пору полового созревания, а нередко и задолго до него, повторяют судьбу своих матерей.

Эти женщины рискуют по-крупному. Тело – их ставка в борьбе за жизнь, но вероятность выигрыша минимальна, кроме того, их всегда готовы обмануть клиенты и коллеги, ведь на проституток не распространяются законы, которые защищают «честных женщин».

Одобрятся или осуждаются дома удовольствия обществом – это, по большей части, их служителям было безразлично. Они хорошо знали, что на их услуги всегда будет спрос. Храмы Эроса многочисленны, там, где уничтожают один, тут же возникает десять. Столько историй, столько уловок, декораций, ритуалов и тайн! Эти дома – сцены театра, где каждый может оказаться актером или режиссером, героем или жертвой.

От пещер и до наших дней продлилась история домов удовольствий. Многие из них имели свою специфику, но кое-что оставалось общим и неизменным: здесь продавали секс и насилие в обертке любви и высокого искусства. Беглый обзор даст возможность понять, что рассказы о них полны вымысла и вечных истин.

I. В глубине веков

Проституция – самая древняя профессия. Древнейшая...

А так ли это? Ответ когда-то казался очевидным. Если женщины слабее мужчин и не могут охотиться, они должны покупать себе и детям пропитание, наводя порядок в пещере, готовя добычу и оказывая мужчинам сексуальные услуги. Они отдавались за сочный кусок мяса, за теплую шкуру, за пригоршню раковин, из которых можно было сделать ожерелье и стать еще более привлекательной для мужчин. Некоторые первобытные дамы, изучавшие свойства ароматических и дурмящих трав, научились привораживать мужчин, добиваясь их благосклонности на месяцы и на годы. Так рождались первые браки – все еще очень непрочные и непостоянные. Жены от тягот первобытной жизни быстро старились, мужья начинали ходить налево, жены боялись потерять кормильца семьи и всевозможными способами выражали презрение к тем женщинам, которые осмелились посягнуть на чужое. Их называли распутницами, распускали о них сплетни, говорили, что они готовы лечь с каждым, кто им заплатит: даже с собственным братом, даже с женщиной из соседнего племени. Родилось разделение женщин на порядочных, заслуживающих уважения и защиты мужчин, и непорядочных, насилие над которыми было в порядке вещей. Отвергнутые обществом женщины объединялись, образовывали свои сообщества, где щедро делились секретами обольщения. Среди них появлялись лидеры, торгуя сексом, они смогли нанять себе охрану, и вот уже содержательница публичного дома или сутенер соглашаются предоставить клиенту женщину за мех, оленину, щуку, иголку, наконечник стрелы. Вроде бы теория правдоподобная. Проще говоря, секс за еду?

Но исследования современных археологов и антропологов показали, что нарисованная выше простенькая картинка не имеет никакого отношения к реальности.

Что на самом деле представляло собой первобытное общество?

Был ли это рай, сад Эдема, где правили добропорядочность и целомудрие? Или же торжествовали дикие нравы с царствованием промискуитета – разнузданного секса всех со всеми, где самый сильный получал самых красивых? Или первобытные люди были полны сакрального трепета перед женской способностью зачинать и рожать детей и то возводили женщин в ранг богинь, то, желая подчинить их силу себе, обращали их в рабынь?

Сложно определить. Вероятно, реальность была мало похожа на наши фантазии.

Любовь в пещере

Прежде всего, женщины первобытного общества были не нахлебницами, а кормилицами. Даже если мы будем уверены, что мужчины были охотниками, а женщины – собирательницами, то женский вклад в пропитание племени неоценим. Успех на охоте – дело случая, добыча может перехитрить охотников, может откочевать в другие земли, может перейти в нападение и вывести охотника из строя надолго или даже навсегда. Другое дело грибы, ягоды, съедобные корни, яйца и мелкие животные: змеи, ящерицы, насекомые, которые отправляются в корзину собирательницы. Медленная, кропотливая работа приносит свои плоды. Поставлены простейшие ловушки, и вот уже пойман кролик, верши на реке – и вот уже на огне жарится рыба. Если рыба не попадалась в сети, можно набрать улиток или лягушек или насобирать съедобные водоросли, которые богаты йодом, марганцем и улучшают мозговую деятельность. Дети здесь не помеха: они мирно спят в специальных сумках-переносках за спинами матерей, а едва встав на ноги, начинают помогать в сборах. Исследования костей кроманьонцев показали, что они питались в основном растительной пищей, мясо было редким деликатесом. Так что, вероятно, мужчинам чаще, чем женщинам, приходилось зарабатывать еду услугами, в том числе и сексуальными.

Второе важное замечание: понятия о супружеском сексе и о развлечениях на стороне, о законных и незаконных детях, о добродетели и грехе сильно различались. Мы можем судить об этом, изучая современные племена, которые продолжают вести жизнь своих предков в тропических лесах или в тайге и тундре. Нельзя сказать, что они не знают ограничений, что в их мире «каждая готова лечь с каждым». Наоборот, выбор партнера часто очень ограничен, а наказания за «запрещенный» секс достаточно жестоки для того, чтобы сама мысль нарушить правила не приходила человеку в голову.

Как правило, племя делится на два рода или фратрии (братства). Их жилища могут быть расположены рядом, в одной деревне или в разных поселках, иногда на значительном удалении.

Каждая фратрия почитала одного предка, люди считались братьями и сестрами. Секс внутри фратрии был строго запрещен. Преступить запрет значило оскорбить духов, покровительствующих племени. А это гораздо страшнее, чем рассердить ревнивого мужа. От человеческого гнева можно сбежать, человека можно победить в поединке, его, наконец, можно обмануть. Духов не обманешь, от них не скроешься, их наказание неотвратимо. Они могут спрятать добычу от охотников, наслать на грешников эпидемию, землетрясение или лесной пожар. Этот инцест никак не связан с биологическим родством, но у первобытных людей нет понятия о биологическом родстве, о генетической близости, зато есть представление о том, что духи все время наблюдают за ними и карают отступников.

Множество народов в самых разных уголках земли рассказывают страшные сказки о том, как мужчина и женщина, встретив друг друга в лесу, полюбили друг друга, не зная, что их любовь запретна, что они брат и сестра. Сразу после соития на них нападает внезапная болезнь и они умирают в муках. Такова месть духов за нарушение одного из главных табу – запрета на инцест.

Антропологи называют такой порядок экзогамией, или требованием искать половых партнеров вне рода. Внутри рода царит агамия (от *гр.* а – нет, гамос – брак).

Зато женщины из другого рода – желанные возлюбленные и жены, будущие матери. Но при этом брак не выглядит так, как это привычно нам. Невеста не всегда уходит их родного дома в дом мужа. Иногда она остается жить вместе с отцом, сестрами и братьями, а муж втайне посещает ее ночами. Рождаются дети, не знающие своего отца. И лишь когда

они достигают совершеннолетия, отец приходит за ними и забирает их в свой дом, чтобы они «отработали» свое зачатие. Если род матрилинейный (то есть дети наследуют род и предка-покровителя матери), то дети возвращаются в дом матери и ищут супругов в роду отца, если патрилинейный – остаются с отцом и ищут супругов в роде матери. Другой сценарий: мужа все-таки «случайно» обнаруживают, и он остается жить в доме тестя и работать на него. Третий сценарий, на первый взгляд больше похожий на привычную нам «нормальную» реальность: девушка уходит в дом жениха. Однако «нормальной» и «привычной» ситуация кажется ровно до тех пор, пока мы не присмотримся внимательней. С рождения девочку (любую девочку) называют «чужеродкой», так как знают, что ее судьба – уйти в другой род. Если две фратрии поссорятся и род ее будущего жениха придет истреблять ее собственный род, ее пощадят, ведь она принадлежит к роду захватчиков. Но если она выйдет замуж, а позже ее братья придут убивать семью ее мужа, они убьют и ее, и ее сыновей, но пощадят ее дочерей, ведь они – их родня, будущие жены их сыновей. Или (на другом краю земли) девушка уходит в дом мужа, но так никогда не становится там родной. Муж и его сестры (а они очень нежны друг с другом) ревниво следят, хорошо ли она кормит грудью младенца, которого родила: ведь он чужой для нее, разве она может любить его и заботиться о нем иначе, как из-под палки?

И всегда это не моногамия. Не одна жена и один муж. Братья и кузены мужа могут спать с его женой – это правильно и хорошо (и только иногда у самой женщины спрашивают, согласна ли она). В свою очередь муж получает в качестве бесплатного приложения сестер и кузин жены, в том числе и незамужних.

Выдающийся русский антрополог Юрий Семенов, много лет изучавший структуры брака и семьи в первобытном обществе, пишет: «Половые отношения в доклассовом обществе прежде всего делятся на такие, которые не представляют собой нарушения агамного запрета, и на такие, которые идут вразрез с ним. Первые из них совершенно независимо от того, являются ли они брачными, добрачными или внебрачными, рассматриваются обществом как законные, нормальные, правильные. Что же касается нарушения агамного запрета, то оно расценивается обществом не просто как моральный проступок, а как самое страшное из всех возможных преступлений. Обычным наказанием за нарушение агамии была смерть».

Таким образом, мы понимаем, что в первобытных обществах индивидуальный брак не был единственной, не был и главной формой регулирования отношений между полами.

Главной была иная форма. Суть в том, что в ряде первобытных обществ запрет вступать в половые отношения с членами своего рода сочетался с требованием вступать в такие отношения исключительно лишь с членами другого определенного рода. Те же требования предъявлял к своим членам и последний род. В данном случае мы сталкиваемся со своеобразным союзом двух родов, каждый из которых запрещал половые отношения внутри себя и обязывал своих членов искать половых партнеров в союзном роде. Подобный союз в этнографии принято именовать дуально-родовой организацией. Существуют научные доказательства, что дуальная организация имела в прошлом человечества универсальное распространение.

«Дуально-родовой союз, – продолжает Юрий Семенов, – есть определенная социальная организация отношений между полами, которая дает определенные права и накладывает определенные обязательства на связанные этим союзом стороны. Иначе говоря, перед нами не что иное, как определенная форма брака: брак не между индивидами, а между их группами, т. е. брак не индивидуальный, а групповой.

Понятие группового брака давно уже существует в науке. Но и те, кто принимали существование группового брака, истолковывали его как своеобразную сумму индивидуальных браков, как сочетание многоженства и многомужества. В действительности групповой брак есть явление качественно отличное от индивидуального. Это – брачный союз не между инди-

видами, взятыми самими по себе, а между их определенными группами, а именно родами. Именно между родами, входившими в союз, существовали определенные взаимные права и обязанности».

Совершенно ясно, что в таких отношениях понятия «супружеский секс» и «секс за плату» абсолютно теряют смысл.

Но не утрачивает смысла роль секса в улаживании конфликтов, в установлении отношений между людьми. Еще наши предки, карликовые шимпанзе бонобо, изобрели этот способ смягчать противоречия. Если у обычных шимпанзе любой конфликт приводит к ссоре, а часто к драке и член стаи с более высоким рангом запугивает, унижает и бьет низкоранговых, то у бонобо конфликты решаются путем взаимных ласк и сексуальных контактов.

Возможно, секс наших предков редко был просто удовлетворением чисто физических потребностей, они занимались сексом для релаксации, для ощущения близости, а также были способны испытывать глубокие чувства друг к другу. Об этом говорят знаменитые находки в пещере Шанидар. У найденного там скелета неандертальца отсутствует одна рука и глаз. Тем не менее исследование костей показывает, что он выжил после этой страшной травмы, – следовательно, о нем заботились. Выживали также старики со стертymi зубами: кто-то находил время и силы, чтобы измельчать предназначенную им пищу в кашу, которую они могли проглотить. Когда же неандертальцы умирали, в могилу им клали букетики ароматических и лекарственных растений: что это – последняя попытка исцеления? Способ скрасить для умершего загробный мир? Способ напомнить ему о жизни на земле и о тех, кто его любил и теперь скучает о нем? Или жертвоприношение его духу, чтобы он заботился о тех, кого оставил на земле? В любом случае перед нами свидетельство мучительной умственной и духовной работы, направленной на то, чтобы осмыслить смерть.

Но от осознания своей смертности для человека сексуальные удовольствия приобретают особую остроту. И несомненно, у наших предков было много способов для того, чтобы сделать секс ярким и незабываемым событием.

Несомненно, важно умение. Уметь использовать свой ум так же, как и свое тело, чтобы стимулировать либидо свое и партнера, разыграть красивую мизансцену – все это может привести самых искусных к высотам наслаждения.

Вероятно, едва достигшие половой зрелости красавицы учились этому искусству у матрон, утративших свежесть. Красавицы, но и красавцы тоже. Коль скоро женщины и мужчины равноправны в добывании пищи, они также имеют право получать равное сексуальное удовольствие и выбирать наиболее привлекательных партнеров. Мы знаем, что в некоторых племенах в современной Африке именно мужчины украшают себя: раскрашивают лицо, покрывают кожу узорами, наносят художественные шрамы и татуировки, заплетают волосы в косички и украшают их перьями и ракушками – все это для того, чтобы понравиться женщинам. Вероятно, наши предки также не пренебрегали этими ухищрениями.

Первый урок – хитрость. Подвести глаза марганцем или древесным углем. Накрасить губы кармином, гармонирующим с цветом сосков, и не считать часы, проведенные за нанесением узоров на тело с помощью тонких костяных игл, подхватывающих охру. Натереться жиром, который делает кожу одновременно мягкой и скользкой, а тело неуловимым и податливым. Уложить волосы при помощи глины, чьи свойства удивительны. Выбрать набедренную повязку или звериную шкуру. И конечно же украшения: жемчуг, клыки животных, украшения из ракушек...

Второй урок – техника: жесты любви, едва уловимые ласки, позы и позиции, из которых позже вырастет Камасутра.

Третий этап – высший класс: танец, пение и манера разговаривать – столько эротических ситуаций и приемов! Ритмичные движения подчеркивают фигуру и круглый живот;

или вот – напряженную грудь и красиво очерченные бедра. Столько намеков! Танцы изображают совокупление, в то время как томные ритмы пения возбуждают. Все это позволяет женщинам разговаривать с мужчинами о любви. Танцующие впадают в транс, им кажется, что они перенеслись в иной мир, что духи вошли в их круг. Так секс становится сакральным таинством.

Женщины и мужчины, особо преуспевшие в нем, превращаются в жрецов, шаманов – посредников между людьми и богами. Это большая честь, но и большая ответственность, люди будут обращаться к ним с просьбами, а если их просьбы остаются невыполненными, значит, они – плохие шаманы, не умеют войти в доверие к духам.

И они начинают изучать свойства растений, их исцеляющую силу, их воздействие на сознание, в том числе и на эротическое возбуждение. Ласки и массаж с ароматическими маслами, выжатыми из растений, и жиром бизона производят одинаковый эффект. Самые искусные учатся управлять людьми. Они – чародейки и чародеи и хвалятся своим даром. Они разрабатывают ритуалы, которые никогда не забудут их клиенты и которые заставят тех вернуться с подарками. Они ищут покровительства вождей и оказывают покровительство вождям.

Влюбленные выбирают особые места: уединяются в темной пещере, в шалаше, всегда около самого драгоценного из всех сокровищ, непрерывно пылающего костра: он прогоняет нежеланных гостей – животных, но, самое главное, подчеркивает красоту обнаженных тел, скрывая недостатки. Он освещает игру любви лучше, чем глиняные лампы, наполненные маслом или жиром. Зимой все происходит на мехах, летом на свежих, ароматных ветвях. Если время года и погода благоприятны, то девушки уводят любовников на поляну, защищенную от любопытных взглядов.

Секс все больше становится игрой для двоих, сексуальные отношения – чем-то уникальным, что влюбленные открывают вместе. И хотя вечером у общего костра юноши и девушки шушукаются, обмениваясь впечатлениями, хотя они все еще с легкостью меняют партнеров (разумеется, из числа разрешенных), все чаще появляется привязанность конкретного мужчины к конкретной женщине и наоборот. Первые признания в любви, первые сцены ревности...

Влюбленные начинают обмениваться подарками, они селятся вместе, вместе заботятся о детях, пусть даже прижитых от других мужчин (понятие отцовства достаточно долго не существовало в первобытном обществе, люди вообще не улавливали связь между сексом и зачатием и считали, что детей в живот женщины помещают духи). Брак становится все более парным, все более моногамным, а где появляется моногамия, понятия избранника или избранницы, там появляются и измены, нарушение клятв. Но мужчина все еще не может заявить: «Эта женщина – моя, и только моя», а женщина не может сказать то же самое о мужчине. По-прежнему один мужчина может состоять в равноправных союзах с несколькими женщинами одновременно, то есть иметь нескольких жен, а женщина – иметь нескольких мужей. Оба супруга могут легко расторгнуть брак и вступить в новый.

Любви, даже взаимной, слишком мало, чтобы в отношениях произошел переворот. Нужна революция в экономических условиях, появление новых источников пищи и благосостояния. И возможно, эту революцию совершают женщины.

Собирая растения и изучая их свойства, они передают информацию из поколения в поколение. Постепенно они начинают сажать наиболее ценные растения недалеко от дома, чтобы всегда иметь их под рукой. Сначала это пряные и лекарственные травы, растения, погружающие в транс и помогающие общению с духами, афродизиаки. Потом растения, употребляемые в пищу, со съедобными клубнями, листьями, стеблями, плодами и семенами. Женщины отбирают самые большие, сильные и вкусные из них, занимаются примитивной

селекцией. В большинстве первобытных племен, в которых земледелие ограничивается огородами, а для рыхления земли используется мотыга, обработка земли считается женской работой.

Но женщины идут дальше. Им ясно, что их молока не всегда хватает для того, чтобы выкормить младенца до тех пор, пока он не сможет есть овощи и мясо, что нужен новый источник питания. И они начинают приручать молодых самок оленей, антилоп, горных коз и овец и кормить их молоком своих детей. Они учатся готовить и кисломолочные продукты, которые хранятся дольше и перевариваются легче, чем молоко: простоквашу, творог, сыры. Чтобы поддерживать у самок лактацию, женщины оставляют их привязанными пастись в лесу или в степи, для того чтобы те спарились с дикими самцами. Приплод можно забивать на мясо, а самых сильных и здоровых использовать для дальнейшего разведения.

Это настоящая революция в первобытном обществе. С изобретением земледелия и скотоводства люди наконец наедаются досыта и, самое главное, получают возможность делать запасы. Падает детская смертность, растет продолжительность жизни. Земледелие позволяет покончить с кочевой жизнью, возникают первые долговременные жилища, первые города. Но скотоводство, напротив, предрасполагает к кочевому образу жизни. Там, где земледелие невозможно, все племя кочует вслед за стадами, перевоза сборные дома, юрты или чумы в повозках. Но в Передней Азии, на землях «плодородного полумесяца», женщины остаются в городах и возделывают землю, а мужчины возвращаются к ним с пастбищ.

Некоторые племена целиком оседают на земле и придумывают плуг, который глубже пашет землю и позволяет получить хороший урожай. Но женщинам трудно справиться с плугом, и постепенно пахота становится мужским делом. Правда, женщины по-прежнему участвуют в полевых работах: они сеют, выпалывают сорняки, убирают урожай.

А дальше происходит то, что сумели хрестоматийно определить философы XIX века, изучавшие возникновение семьи, частной собственности и государства: приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения... Все прежние способы добычи пищи отступили теперь на задний план; охота, бывшая раньше необходимостью, стала теперь роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство? Первоначально, безусловно, роду. Однако рано или поздно должна была развиваться частная собственность на стада. Трудно сказать, являлся ли в глазах автора так называемой Первой книги Моисея патриарх Авраам владельцем своих стад в силу собственного права как глава семейной общины или же в силу своего положения фактически наследственного старейшины рода. Несомненно лишь то, что мы не должны представлять его себе собственником в современном смысле этого слова. И несомненно, далее, что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот – рабов...

...Согласно материнскому праву, следовательно, до тех пор, пока происхождение фиксировалось только по женской линии, а также в соответствии с первоначальным порядком наследования в роде, умершему члену рода наследовали его сородичи... Имущество должно было оставаться внутри рода. Но дети умершего мужчины принадлежали не к его роду, а к роду своей матери; они наследовали матери первоначально вместе с остальными ее кровными родственниками, позднее, возможно, – в первую очередь; но своему отцу они не могли наследовать, так как не принадлежали к его роду, имущество же отца должно было оставаться в этом последнем. Следовательно, после смерти владельца стад его стада должны были переходить прежде всего к его братьям и сестрам и к детям его сестер или же к потомкам сестер его матери. Его же собственные дети оказывались лишенными наследства.

Таким образом, по мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и, с другой стороны, порождали стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить традиционный порядок наследования в пользу детей. Но это не могло иметь места, пока происхождение велось в соответствии с материнским правом. Поэтому последнее должно было быть отменено, и оно было отменено. Это было совсем не так трудно, как нам теперь представляется. Ведь этой революции – одной из самых радикальных, пережитых человечеством, – не было надобности затрагивать ни одного из живущих членов рода. Все они могли оставаться и далее тем, чем были раньше. Достаточно было простого решения, что на будущее время потомство членов рода мужчин должно оставаться внутри его, тогда как потомство женщин должно исключаться из него и переходить в род своего отца. Этим отменялось определение происхождения по женской и право наследования по материнской линии и вводилось определение происхождения по мужской и право наследования по отцовской линии. Мы ничего не знаем о том, как и когда эта революция произошла у культурных народов. Она целиком относится к доисторической эпохе...

Ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и – еще более – классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено.

Итак, женщины, теряя собственность на земли и стада, теряют и возможность управлять своей судьбой. На первый взгляд может показаться, что некоторые – дочери наиболее состоятельных семей и жены наиболее состоятельных мужей – даже выигрывают, привилегированное положение их мужчин обеспечивает им свободу от тяжелых работ, они могут, препоручив все дела служанкам и рабам, предаваться праздности, а единственное их занятие – украшать себя, чтобы стать более желанными для своего господина, а также вынашивать и рожать своему господину наследников. Но одновременно они теряют контроль над своей жизнью. Они уже не могут по собственной воле заключать браки и расторгать их. Они становятся собственностью своих отцов и братьев, а брак превращается в сделку между мужчинами, где женщина, как товар, переходит из рук в руки. И товар должен быть качественным. Теперь для мужчины важно передать свое наследство детям, родным ему по крови. Гарантией этого была девственность невесты, и поэтому ее нужно было охранять, держа девушку, а затем и жену взаперти, под охраной.

Парадоксально, но в семьях среднего достатка положение женщин было лучше. Женщины продолжали участвовать в добыче пропитания, и одновременно они получали право голоса в семье, право на часть имущества и участие в принимаемых решениях.

Но что же было делать девушкам из беднейших семей? Отцы не могли обеспечить их пропитанием, женихи не стремились в их дом, не желая родниться с бедняками. Единственное, что им оставалось, – зарабатывать на пропитание самим. Сильные женщины обрабатывали чужой клочок земли, или пасли стада, или нанимались служанками за плату. Мастерицы изготавливали ткани или сосуды. А красавицы продавали свою красоту, пока на нее находились покупатели. Или, возможно, ими торговали их родители. Все это происходило в дописьменную эпоху, и мы не знаем, как была организована предполагаемая купля-продажа, могли ли женщины выставлять свои условия и требовать гарантий, кем они чувствовали себя, отдаваясь за деньги: свободными предпринимательницами, жрицами, выполняющими волю богов, или жертвами насилия...

Чтобы найти документ, подтверждающий существование куртизанок и домов удовольствий, нужно ждать тысячелетия и появления письменности.

Именно с ее возникновением и с записью основного корпуса мифов одной из древнейших цивилизаций мира – Шумера на сцене появляется образ проститутки. И это проститутка, находящаяся на государственном содержании.

Блудницы в стране клинописи

Месопотамия – страна городов в пустыне. Города живут за счет торговли. Для того чтобы вести честную торговлю, нужна письменность. Таким образом появляются три основополагающих изобретения в Двуречье: письменность, город, организованная торговля. Торговые связи образуют своеобразные сети посредством постоянных транспортных путей, рек, моря или дорог первых караванов. В городах собираются люди со всего мира, говорящие на разных языках, что, вероятно, порождает миф о Вавилонской башне. Площади городов и деревень становятся перекрестками встреч и торговли; для куртизанок это – место для охоты. Они предлагали себя богатым путешественникам, но стремились выйти замуж и обеспечить себе безбедную старость. Мудрецы предостерегают честных людей от их козней. Один монарх 3-го тысячелетия до н. э. советовал не брать в супруги «ни Harimtu, чьих мужей не сосчитать; ни Istaritu, предназначенную для божественности; ни Kalamisitu; в беде они не поддержат; в невезении будут надсмехаться над тобой; они не знают ни уважения, ни традиций...».

Но если он раздавал такие советы, следовательно, браки с блудницами были возможны и даже распространены. И действительно, быть блудницей в Шумере не означало стать презираемой парией, встречаться с которой можно было только под покровом тьмы. Харимту, Каламиситу и Иштаритум были прежде всего жрицами, служительницами богини Инанны или Иштар, Астарты. Не случайно одно из их имен так и переводится: «маленькие Иштар, иштарочки».

Их покровительницу, богиню любви, жизни и плодородия, мифы изображали как прекрасную женщину, полную сексуальной энергии и притягательности. Вот как описывает ее одна из священных песен Шумера:

Свои тайные силы – их семь – собрала.
Собрала силы, в руке зажала.
Свои тайные силы у ног сложила.
На ее голове – венец Эдена, Шугур.
На ее челе – налобная лента «Прелесть чела».
В ее руках – знаки владычества и суда.
Ожерелье лазурное обнимает шею.
Двойная подвеска украшает груди.
Золотые запястья обвивают руки.
Прикрыты груди сеткой «Ко мне, мужчина, ко мне».
Прикрыты бедра повязкой, одеяньем владычиц.
Притираньем «Приди, приди» подведены глаза.

Богине служили жрицы разных разрядов. Вот одни из них: обычно это были царские дочери, они услаждали слух Иштар торжественными гимнами. Другие прославляли богиню, торгуя своим телом на перекрестках. Харимту могла одновременно заниматься весьма достойными профессиями: например, стать кормилицей у почтенной семьи. Но могла и, впад в бедность, продать бездетной семье собственного ребенка. И все же, как правило, положение такой условной, обобщенной харимту было лучше, чем у обычных шумерских женщин: она знала грамоту, могла свидетельствовать в суде, покупать дома и имущество. Часто харимту и ее любовник заключали договор, согласно которому мужчина ежемесячно выделял женщине на прожитие довольно большую сумму в серебряных слитках, а позже женился на ней.

Но прежде чем жениться и даже прежде, чем возлечь с харимту, нужно было добиться ее благосклонности, а для этого иногда было мало пообещать ей деньги. Герой одного из шумерских текстов, чтобы заполучить свою возлюбленную харимту на ложе, вынужден был прибегнуть к магии. Вот что он рассказывает:

Благородная дева стоит на улице,
Дева-блудница, дочь Инанны,
Дева, дочь Инанны, стоит у ночлежища.
Масло и сладкие сливки она,
Телица могучей Инанны она,
Кладовая богатая Энки она,
О дева! Сядет – яблонею цветет,
Ляжет – радость взорам дает,
Кедров прохладой тенистой влечет!
К ней прикован мой лик – лик влюбленный,
Мои руки прикованы – руки влюбленные,
Мои [очи] прикованы – очи влюбленные,
Мои ноги прикованы – ноги влюбленные.
Ах, серебром пороги пред ней, лазуристом ступеньки под ней,
Когда по лестнице она спускается!
Когда милая остановилась,
Когда милая брови сдвинула —
Милая с небес ветром [повеяла],
В грудь юноши стрелой ударила.
Бог Ассаллухи это увидел.
К Энки-отцу идет и молвит:
«Отец! Благородная дева на улице!»
И второй раз он молвит:
«Что сказать, не знаю я, чем помочь, не знаю я!»
Энки отвечает своему сыну:
«Сын! Чего не знаешь ты? Что я мог бы тебе сказать?
Ассаллухи! Чего не знаешь ты? Что я мог бы тебе сказать?
Все, что знаю я, воистину это знаешь и ты!
Молоко, масло коровы священной,
Сливки, масло коровы белой,
В желтый сосуд алебастровый вылей,
На грудь девы каплями брызни!
И дева открытую дверь не запрет,
Друга в тоске его не оттолкнет,
Воистину следом за мною пойдет!

Иногда талантливую куртизанку использует правитель города для решения своих проблем. И хитрая женщина стоит хорошего министра. В одной из древнейших легенд, которая датируется примерно 2500 годом до н. э., в эпосе о Гильгамеше, важную роль играет блудница Шамат, первая звезда шпионажа и любовных приключений.

В то время в Уруке правил Гильгамеш, молодой и пылкий монарх, сын Нинсун и Лугальбанда. На две трети он – бог, на треть – человек. Он воздвиг в городе крепостные стены, 9 километров каменной стены, никто не видел ничего подобного. Урук – процветаю-

щий город. По сравнению с ним другие города Междуречья, к примеру Киш, Эриду, Ур, – небольшие деревни. В центре – огромный дворец Эанны с храмом Иштар.

Дома знатных людей в Уруке богато украшены. Везде живопись, статуи, великолепные мозаики. Улицы полны купцов, расхваливающих иноземный товар: лазурит Афганистана, медь и ладан, золото, серебро, драгоценные камни, лен, специи и пряности для людей и богов.

Этому процветанию и благополучию угрожает лишь распутство молодого принца, который вовлекает в разврат сыновей и дочерей Урука, не щадя ни тех ни других. Было необходимо вмешательство Аурру, божественной матери Гильгамеша, чтобы она образумила сына и вернула городу спокойствие.

И боги Шумера обращаются к Аурру:

Небесные боги, владыки Урука, сказали Аруру:
«Вот, создала ты сына, и нет ему равных,
Но жестоко Гильгамеш днем и ночью пирует,
Жениху не оставит невесты и мужу супруги,
Он, кому доверен Урук блаженный,
Он, их пастырь, он, их хранитель». Внимает их просьбам Аруру,
К Аруру великой они приступают снова:
«Ты, Аруру, уже создала Гильгамеша,
Ты сумеешь создать и его подобье,
Пусть они состязаются в силе, а Урук отдыхает».

Богиня бросает горсть глины на степь, и появился на свет Энкиду, существо наполовину дикое. Его тело было покрыто шерстью, его волосы были великолепны, его локоны были пшеничного цвета. Вдали от города, этот Маугли Месопотамии щипал траву с газелями, лакал воду из луж и считал диких животных своими братьями. Он защищал их от капканов охотников и наводил ужас на всех, кто приближался к нему. Только цивилизованный Гильгамеш сможет победить дикого Энкиду. Это его долг – долг культурного героя...

Но в степи Энкиду – непобедим, Гильгамеш должен встретиться с ним лицом к лицу на своей территории – в городе. Тогда он обращается за помощью к Шахмат, возможно самой обольстительной среди всех красавиц дворца. Она без страха идет в степь, чтобы соблазнить дикаря и взять его в свои сети. С ней идет охотник.

Сел на месте охотник, и села блудница,
День и другой ожидают у водооя,
Звери приходят и пьют холодную воду,
Прибегает стадо, веселится сердцем.
И он, Энкиду, – его родина горы —
С газелями вместе щиплет травы,
Со скотом идет к водоюю,
С водяными тварями веселится сердцем.
Увидала его блудница, страстного человека,
Сильного, разрушителя, посреди пустыни:
Это он, блудница, открой свои груди,
Открой свое лоно, пусть он возьмет твою зрелость.
Дай ему наслаждение, дело женщин.
Едва он увидит тебя, он к тебе устремится
И оставит зверей, что росли средь его пустыни.
Обнажила груди блудница и лоно открыла,

Не стыдилась она, вдохнула его дыханье,
Сбросила ткань и легла, а он лег сверху,
Силу своей любви на нее направил.
Шесть дней, семь ночей приходил Энкиду, забавлялся с блудницей.
И когда он жажду свою насытил,
Он обратился к зверям, как прежде.
Увидали его, Энкиду, и умчались газели,
От него отпрянули звери его пустыни.
Устыдился себя Энкиду, его тело стало тяжелым,
Останавливались колени, когда он гнался за стадом,
И не мог он бежать, как бегал донине.

Шахмат выполнила первую часть своей задачи, но она должна привести Энкиду в Урук. И она убеждает своего возлюбленного в преимуществах городской жизни. Ей несложно это сделать, ведь ее ласки подействовали на Энкиду: он больше не дикарь, в нем пробудился разум.

Но теперь ощущает он новый разум,
Возвращается и садится у ног блудницы,
Смотрит в очи его блудница,
И пока говорит, его внимательны уши:
«Ты силен и прекрасен, ты – как бог, Энкиду,
Что же делаешь ты среди зверей пустыни?
Я тебя поведу в Урук высокий,
В дом священный, жилище Иштар и Ану,
Где живет Гильгамеш, совершенный силой,
И царит над людьми, как дикий буйвол».
Говорит, и приятны ему эти речи,
Друга по сердцу искать он хочет:
«Я согласен, блудница, веди меня в город,
Где живет Гильгамеш, совершенный силой,
Я хочу его вызвать и с ним поспорить;
Закричу я в Уруке – это я могучий,
Это я людскими судьбами правлю,
Тот, кто родился в пустыне, велика его сила,
Пред его лицом твое побледнеет,
И кто будет повержен, знаю заранее».

Шахмат предлагает Энкиду все радости праздной жизни: быть на пирах и бегать за куртизанками и танцовщицами, делить с ними постель, забыть о степи. Но у Энкиду не будет времени, чтобы испытать обещанные блаженства. Придя в Урук, он подружится с Гильгамешем и будет служить ему, они станут неразлучными. Миссия Гильгамеша поведет их дальше, навстречу новым приключениям и новым врагам. Тоскуя по своей прежней жизни, Энкиду прокликает блудницу и желает, чтобы она закончила свои дни в одиночестве.

«Я назначу тебе судьбу, блудница,
Не изменится она в стране вовеки.
Вот, я тебя проклиною великим проклятьем,
Дом твой будет разрушен силой проклятья,
В дом разврата загонят тебя, как скотину!»

Пусть дорога станет твоим жилищем,
Лишь под тенью стены найдешь ты отдых,
И распутник, и пьяный твое тело измучат,
За то, что меня, Энкиду, лишила ты силы,
За то, что меня, Энкиду, увела из моей пустыни!»
Услыхал его Шамаш и уста отверзает,
Взывает к нему с высокого неба:
«Почему, Энкиду, проклинаешь ты так блудницу,
Что дала тебе яства, достойные бога,
Что дала тебе вина, достойные князя,
Облекла твое тело в пышные ткани,
Привела к Гильгамешу, твоему прекрасному другу?
Вот, теперь Гильгамеш твой брат, твой товарищ,
Он кладет тебя на ночь в роскошной постели,
В удобной постели он кладет тебя на ночь;
В мягком кресле сидишь ты, слева от трона,
И тебе владыки целуют ноги,
Люди Урука поют тебе славу.
Чтоб тебе угождали, дала тебе слуг блудница,
И по просьбе твоей я облек ее тело позорной одеждой,
Я облек его шкурой собачьей, и она бежит по пустыне».
Чуть заблестала заря, великого Шамаша слово
Долетело до Энкиду, и гневное сердце смирилось:
«Убежавшая пусть возвратится, станет путь ее легким,
Пусть любви ее просят князя и владыки,
Вождь могучий развяжет над нею свой пояс,
Одарит ее золотом и ляпис-лазурью».

Прекрасная Шахмат была мифической персоной, как и ее патронесса Иштар. Но у нее, несомненно, были последовательницы во всех городах и деревнях Шумера. Их наследницами стали знаменитые проститутки Вавилона.

Вавилон, Палестина и Египет: приключения во дворцах и храмах

Почти два тысячелетия до н. э. Вавилон подобен современному Нью-Йорку или Шанхаю – это интернациональный город, где есть место всем языкам, всем народам и всем культурам. Люди спешили туда, суда спускались по Евфрату, караваны приходили со всего Двуречья. В Апокалипсисе написано: «Торговцы везли туда золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, лен, пурпур, шелк, предметы из слоновой кости, ценных пород дерева, бронзы, железа, мрамора, корицу, специи, эфирные масла, миро, ладан, вино, масло, муку, зерно, овец, лошадей, человеческие тела и души». За границами порта, где шла торговля, простирается Вавилон богатых и праздных, Вавилон феерических дворцов Хаммурапи и висячих садов Семирамиды, Вавилон, в который вели ворота богини Иштар, покрытые глазированной плиткой с изображениями диковинных зверей.

Вавилон, «великая проститутка» Библии, город разврата и смешения языков, сохраняет свою репутацию до Александра Великого, который там умер, и до эфемерных династий Севкидов, которые сменили его. Его цари и правительницы легендарны, и они не ограничивают себя рамками морали, за ними тянется душок скандала. Такова всем известная Семирамида, вдова Шамши-Адада V, которая правила государством, пока ее сын Ададнерари III был еще юн.

Данте в своей «Божественной комедии» рассказывает об этой авантюристке в пятой песни «Ада»:

Она вдалась в такой разврат великий,
Что вольность всем была разрешена,
Дабы народ не осуждал владыки.

То Нинова венчанная жена,
Семирамида, древняя царица;
Ее земля Султану отдана.

Вот нежной страсти горестная жрица,
Которой прах Сихея оскорблен;
Вот Клеопатра, грешная блудница.

Греческий философ Афиней считал, что Семирамида была всего лишь искусной куртизанкой, до того как стала фавориткой, а потом и супругой царя. Эта женщина была не только красива, но и умна при этом, она не заботилась об улучшении морали своих подданных, а предпочитала изумлять их размахом своих праздников и оргий.

В Вавилоне проститутки практиковали свое мастерство в гостиницах и на постоянных дворах. Они уединялись с гостями в уголке комнаты или уводили их в закрытый сад, где их ожидало ложе. У самых богатых людей были отдельные комнаты или дома. Рабы приносили в роскошные дворцы дичь, финики, редкие фрукты: персики, абрикосы или дыни. На ложе каждый гость пил крепкое вино, слушая поэмы и рассказы, музыку и песни под звуки тамбуринов или флейт. Когда наступал вечер, танцы пробуждали чувственность, и девушки отправлялись в объятия гостей.

Блудницы Вавилона стоили очень дорого; их занятие кормило целую толпу: ювелиров, которые изготавливали браслеты, кольцо, цепочки, серьги, сетки для волос; парфюмеров,

которые создавали ароматические вещества; мастеровых, поставлявших ковры и подушки для любовных утех; торговцев рабами, которые обеспечивали веселые дома живым товаром.

В борделях можно было найти девушек со всего света: из Африки те, у которых темная нубийская кожа, с севера красавицы, у которых бледная кожа и ярко-рыжие волосы скифов. Их яркие подведенные глаза похожи на глаза газели, бедра и груди просвечивают сквозь одежду из тонкой прозрачной ткани. Девицы попроще и победнее дарят свою любовь беднякам в деревянных или тростниковых хижинах на берегу Ефрата.

Вавилон, Содом, Гоморра, Сидон, Кипр... должно быть, были и другие крупные города, где и моряк, и антиквар могли развлечься. Даже в храмах занимались своим ремеслом служанки богини Иштар, покровительницы продажной любви.

А вот еще. На ступенях храма они стояли за ограждением из веревок и ждали, когда пройдет мужчина и бросит к их ногам монеты, произнеся «Призываю богиню Милитту» (другое имя богини Иштар). С ним девушка расстанется со своей девственностью, пожертвует ее в пользу храма. Ритуал совершен, она возвращается к себе, выходит замуж, ведет жизнь почтенной женщины. Этот вид проституции, иногда практикуемый евнухами или молодыми мальчиками в пользу богу или его храма, существовал в Египте, Греции и даже у этрусков.

Иштар под именем Астарты поклонялись в Финикии: в Тире, Сидоне, и Библе. Первоначальным значением ее имени было «чрево» или «плод чрева». В Палестине ее часто звали Двурогой Астартой, напоминая, что она в родстве со священной королевой. В Палестине найдено около трехсот терракотовых фигурок обнаженных женщин, символизирующих служительниц Астарты, священных проституток. Предаваясь любви со своим братом Ваалом, Астарта купалась в росе и натирала тело амброй. Несомненно, служительницы богини перенимали ее уловки, чтобы соблазнить своих земных любовников.

«Презренной шлюхой» называют иудейские тексты Лилит, первую жену Адама. Она не захотела быть покорной мужу, сказав «Почему я должна быть внизу? Ведь я ровня тебе, нас обоих бог слепил из праха». Когда же Адам захотел взять ее силой, она произнесла имя бога и улетела на берега Красного моря, где принялась совокупляться с демонами. Позже она вернулась к Адаму и, несмотря на то что он уже был мужем Евы, соблазнила его. В иудейских текстах Лилит превращается в символ «другой женщины», которая встает между мужем и женой, связанными узами законного брака. Несомненно, авторы, описывая коварство и прелести Лилит, вдохновлялись обычными блудницами, которых ежедневно встречали на улицах.

«Она украшает себя чрезмерно, как презренная шлюха, и обычно поджидает на перекрестках сыновей мужчин. Когда дурак подходит близко, она хватает его, целует и поит его вином из желчи вампира. Стоит ему отпить, и он послушно следует за ней. Когда же она видит, что он идет следом, свернув с правильного пути, она снимет с себя все украшения, которые надела ради глупца. Украшена же для искушения сыновей мужчин длинными и рыжими, как роза, волосами, щеки ее как кровь с молоком, в уши она вдевала шесть украшений, к тому же египетские и все украшения Востока висели у нее на шее. Рот у нее как узкая дверь, приятный для взгляда, язык острый, как меч, речи гладкие, как масло, губы красные, словно розы, и сладкие, как все сладости мира. Одевается она в алое платье, украшенное сорока орнаментами без одного. Неудивительно, что дурак идет за ней, и пьет из чаши вино, и вступает с нею в связь, и послушен ей. И что же она делает? Она оставляет его, пока он спит, летит на небо, обо всем рассказывает, после чего опять возвращается землю. Дурак просыпается и думает, будто может опять наслаждаться ею, а она снимает все украшения и превращается в грозную фигуру.

Она стоит перед ним в огненных одеждах, напуская на него ужас, заставляя его трепетать и дрожать телом и душой, в глазах у нее ненависть, в руке – меч, с которого стекают горькие капли. Она убивает дурака и отправляет его в Геенну».

О ней мужчины мечтают по ночам, извергая семя на постель: «Она странствует ночью по всему миру, сближается с мужчинами и заставляет извергать семя. Везде, где мужчина спит один в доме, она тут как тут, прижимается к нему и удовлетворяет свою страсть и беременеет от него. А ему она оставляет на память болезнь, о чем он не подозревает».

Она (а скорее мысль о греховной страсти) преследует человека даже на супружеском ложе.

«Слушайте, твердая раковина, то есть оболочка зла, Лилит всегда в кровати рядом с мужем и женой, когда они желают близости, чтобы подобрать пролитые капли семени – потому что невозможно соединиться и не пролить ни капли, – а она создаст из них демонов, духов и лилин... Но есть заклинание, защищающее от этого, прогоняющее Лилит от постели и призывающее чистые души... в то мгновение, когда мужчина соединяется со своей женой, он должен отдать сердце на усмотрение святости своего Господина и сказать:

Именем Бога.
О ты, облаченная в бархат [то есть Лилит],
Ты явилась сюда.
Не трогай меня, не трогай!
Не приходи и не уходи!
Мое семя не для тебя,
Не для твоего потомства.
Уходи, уходи!
Море ярится,
Волны ждут тебя.
Я полагаюсь на Всесвятого,
Облачаюсь в Царскую святость.

Потом он и его жена покрывают головы на час...

Библейская героиня Фамарь выдала себя за блудницу, закрыв себя покрывалом и сев у городских ворот (Быт., 38: 14–15), чтобы соблазнить сына Иакова Иуду.

«И сняла она с себя одежду вдовства своего, покрыла себя покрывалом и, закрывшись, села у ворот Енаима, что на дороге в Фамну. Ибо видела, что Шела вырос и она не дана ему в жену. И увидел ее Иуда и почел ее за блудницу, потому что она закрыла лицо свое. И не узнал ее. Он повернул к ней и сказал: войду я к тебе. Ибо не знал, что это невестка его. Она сказала: что ты дашь мне, если войдешь ко мне? Он сказал: я пришлю тебе козленка из стада моего. Она сказала: дашь ли ты мне залог, пока пришлешь? Он сказал: какой дать тебе залог? Она сказала: печать твою, и перевязь твою, и трость твою, которая в руке твоей. И дал он ей и вошел к ней; и она зачала от него. И, встав, пошла, сняла с себя покрывало свое и оделась в одежду вдовства своего. Иуда же послал козленка чрез друга своего Одолламитянина, чтобы взять залог из руки женщины, но он не нашел ее. И спросил жителей того места, говоря: где блудница, которая была в Енаиме при дороге? Но они сказали: здесь не было блудницы. И возвратился он к Иуде и сказал: я не нашел ее; да и жители места того сказали: здесь не было блудницы. Иуда сказал: пусть она возьмет себе, чтобы только не стали над нами смеяться; вот, я посылаю этого козленка, но ты не нашел ее. Прошло около трех месяцев, и сказали Иуде, говоря: Фамарь, невестка твоя, впала в блуд, и вот она беременна от блуда. Иуда сказал: выведите ее, и пусть она будет сожжена. Но когда повели ее, она послала сказать свекру

своему: я беременна от того, чьи эти вещи. И сказала: узнавай, чья эта печать, и перевяжь, и трость».

Услугами газской проститутки пользовался судья-назорей Самсон (Суд., 16: 1–3). Однако не она погубила его, а другая женщина, по имени Далила, о роде занятий которой мы ничего не знаем. Знаем лишь, что она предала Самсона за плату, предложенную его врагами.

«После того полюбил он одну женщину, жившую на долине Сорек; имя ей Далила. К ней пришли владельцы Филистимские и говорят ей: уговори его, и выведай, в чем великая сила его и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за то каждый тысячу сто сиклов серебра.

И сказала Далила Самсону: скажи мне, в чем великая сила твоя и чем связать тебя, чтобы усмирить тебя? Самсон сказал ей: если свяжут меня семью сырыми тетивами, которые не засушены, то я сделаюсь бессилён и буду как и прочие люди. И принесли ей владельцы Филистимские семь сырых тетив, которые не засохли, и она связала его ими. (Между тем один скрытно сидел у нее в спальне.) И сказала ему: Самсон! Филистимляне идут на тебя. Он разорвал тетивы, как разрывают нитку из пакли, когда пережжет ее огонь. И не узнала сила его. И сказала Далила Самсону: вот, ты обманул меня и говорил мне ложь; скажи же теперь мне, чем связать тебя? Он сказал ей: если свяжут меня новыми веревками, которые не были в деле, то я сделаюсь бессилён и буду как прочие люди. Далила взяла новые веревки и связала его и сказала ему: Самсон! Филистимляне идут на тебя. (Между тем один скрытно сидел в спальне.) И сорвал он их с рук своих, как нитки. И сказала Далила Самсону: все ты обманываешь меня и говоришь мне ложь; скажи мне, чем бы связать тебя? Он сказал ей: если ты воткешь семь кос головы моей в ткань и пришьешь ее гвоздем к ткальной колоде. И прикрепила их к колоде, и сказала ему: Филистимляне идут на тебя, Самсон! Он пробудился от сна своего и выдернул ткальную колоду вместе с тканью. И сказала ему Далила: как же ты говоришь: «люблю тебя», а сердце твое не со мною? вот, ты трижды обманул меня, и не сказал мне, в чем великая сила твоя. И как она словами своими тяготила его всякий день и мучила его, то душе его тяжело стало до смерти. И он открыл ей все сердце свое, и сказал ей: бритва не касалась головы моей, ибо я назорей Божий от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб и буду как прочие люди. Далила, видя, что он открыл ей все сердце свое, послала и звала владельцев Филистимских, сказав им: идите теперь; он открыл мне все сердце свое. И пришли к ней владельцы Филистимские и принесли серебро в руках своих. И усыпила его Далила на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать, и отступила от него сила его. Она сказала: Филистимляне идут на тебя, Самсон! Он пробудился от сна своего, и сказал: пойду, как и прежде, и освобожусь. А не знал, что Господь отступил от него. Филистимляне взяли его и выкололи ему глаза, привели его в Газу и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников».

В иудейском обществе блудницы охранялись законом, известен случай их обращения к царю Соломону (3 Цар., 3: 16–18), это знаменитая притча о двух женщинах, делящих ребенка, притча, где женскую хитрость побеждает материнская любовь.

В царствование Езекии встречаются упоминания уже о домах блудилищных (4 Цар., 23: 7). Говоря об уничтожении культа Астарты в Иерусалиме, Библия рассказывает, что первосвященник «вынес Астарту из дома Господня за Иерусалим к потоку Кедрону, и сжег ее у потока Кедрона, и истер ее в прах, и бросил прах ее на кладбище общенародное; и разрушил дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты». Проститутки Астарты, богини любви и плодородия, жили в коллегиальном доме как верующие. Практиковали ли они иерогамию, во время которой соединялись со священниками в стенах храма? Или, наоборот, дарили свое тело прохожим, объединяя мир богов и

людей? Ритуал покорности богу, ритуал космогонического союза? Это можно интерпретировать как угодно.

Священникам было запрещено на них жениться (Лев., 21: 14), как, впрочем, и на вдовах, однако известно, что пророк Осия был женат на блуднице Гомарь (Ос., 1: 2–3). Однако этот брак был неким мистическим действием, утроенным пророком по наущению Господа, разгневанного тем, что народ Израиля не тверд в вере.

«И сказал Господь Осии: иди, возьми себе жену блудницу и детей блуда; ибо сильно блудодействует земля сия, отступив от Господа. И пошел он и взял Гомерь, дочь Дивлаима; и она зачала и родила ему сына. И Господь сказал ему: нареки ему имя Изреель, потому что еще немного пройдет, и Я взыщу кровь Изрееля с дома Ииуева, и положу конец царству дома Израилева, и будет в тот день, Я сокрушу лук Израилев в долине Изреель. И зачала еще, и родила дочь, и Он сказал ему: нареки ей имя Лорухама; ибо Я уже не буду более миловать дома Израилева, чтобы прощать им... И, откормив грудью Непомилованную, она зачала, и родила сына. И сказал Он: нареки ему имя Лоамми, потому что вы не Мой народ, и Я не буду вашим Богом»...

В устах Осии брак с блудницей, не оставившей в замужестве прежних привычек, становится метафорой народа Израилева, не забывшего старых богов:

«Судитесь с вашей матерью, судитесь; ибо она не жена Моя, и Я не муж ее; пусть она удалит блуд от лица своего и прелюбодеяние от груди своих, дабы Я не разоблачил ее донага и не выставил ее, как в день рождения ее, не сделал ее пустынею, не обратил ее в землю сухую и не уморил ее жаждою. И детей ее не помилую, потому что они дети блуда. Ибо блудодействовала мать их и осрамила себя зачавшая их; ибо говорила: «пойду за любовниками моими, которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки». За то вот, Я загорожу путь ее тернами и обнесу ее оградою, и она не найдет стезей своих, и погонится за любовниками своими, но не догонит их, и будет искать их, но не найдет, и скажет: «пойду я, и возвращусь к первому мужу моему; ибо тогда лучше было мне, нежели теперь». А не знала она, что Я, Я давал ей хлеб и вино и елей и умножил у нее серебро и золото, из которого сделали истукана Ваала. За то Я возьму назад хлеб Мой в его время и вино Мое в его пору и отниму шерсть и лен Мой, чем покрывается нагота ее. И ныне открою срамоту ее пред глазами любовников ее, и никто не исторгнет ее из руки Моей. И прекращу у нее всякое веселье, праздники ее и новомесячия ее, и субботы ее, и все торжества ее. И опустошу виноградные лозы ее и смоковницы ее, о которых она говорит: «это у меня подарки, которые надали мне любовники мои»; и Я превращу их в лес, и полевые звери поедят их. И накажу ее за дни служения Ваалам, когда она кадила им и, украсив себя серьгами и ожерельями, ходила за любовниками своими, а Меня забывала, говорит Господь...

...И сказал мне Господь: иди еще и полюби женщину, любимую мужем, но прелюбодействующую, подобно тому как любит Господь сынов Израилевых, а они обращаются к другим богам и любят виноградные лепешки их. И приобрел я ее себе за пятнадцать серебряников и за хомер ячменя и пол-хомера ячменя и сказал ей: много дней оставайся у меня; не блуди, и не будь с другим; так же и я буду для тебя...»

Пророк сравнивает религиозную измену с нарушением супружеской верности и призывает израильтян истребить и тот и другой грех.

«Я оставляю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют, потому что вы сами на стороне блудниц и с блудодейцами приносите жертвы, а невежественный народ гибнет».

Впрочем, когда иудейским разведчикам нужно воспользоваться помощью иерихонской блудницы Раав, они единодушно признают ее заслуживающей уважения женщиной.

«И послал Иисус, сын Навин, из Ситтима двух соглядатаев тайно и сказал: пойдите, осмотрите землю и Иерихон. [Два юноши] пошли и пришли в дом блудницы, которой имя

Раав, и остались ночевать там. И сказано было царю Иерихонскому: вот, какие-то люди из сынов Израилевых пришли сюда в эту ночь, чтобы высмотреть землю. Царь Иерихонский послал сказать Рааве: выдай людей, пришедших к тебе, которые вошли в твой дом, ибо они пришли высмотреть всю землю. Но женщина взяла двух человек тех и скрыла их и сказала: точно приходили ко мне люди, но я не знала, откуда они; когда же в сумерки надлежало затворять ворота, тогда они ушли; не знаю, куда они пошли; гонитесь скорее за ними, вы догоните их. А сама отвела их на кровлю и скрыла их в снопах льна, разложенных у нее на кровле. Посланные гнались за ними по дороге к Иордану до самой переправы; ворота же тотчас затворили, после того как вышли погнавшиеся за ними. Прежде нежели они легли спать, она взошла к ним на кровлю и сказала им: я знаю, что Господь отдал землю сию вам, ибо вы навели на нас ужас, и все жители земли сей пришли от вас в робость; ибо мы слышали, как Господь иссушил пред вами воду Чермного моря, когда вы шли из Египта, и как поступили вы с двумя царями Аморрейскими за Иорданом, с Сигоном и Огом, которых вы истребили; когда мы услышали об этом, ослабело сердце наше, и ни в ком из нас не стало духа против вас; ибо Господь Бог ваш есть Бог на небе вверху и на земле внизу; итак, поклонитесь мне Господом, что, как я сделала вам милость, так и вы сделаете милость дому отца моего, и дайте мне верный знак, что вы сохраните в живых отца моего и мать мою, и братьев моих и сестер моих, и всех, кто есть у них, и избавите души наши от смерти. Эти люди сказали ей: душа наша вместо вас да будет предана смерти, если вы не откроете сего дела нашего; когда же Господь предаст нам землю, мы окажем тебе милость и истину. И спустила она их по веревке чрез окно, ибо дом ее был в городской стене, и она жила в стене; и сказала им: идите на гору, чтобы не встретили вас преследующие, и скрывайтесь там три дня, доколе не возвратятся погнавшиеся за вами; а после пойдете в путь ваш. И сказали ей те люди: мы свободны будем от твоей клятвы, которою ты нас заклала, если не сделаешь так: вот, когда мы придем в эту землю, ты привяжи червленую веревку к окну, чрез которое ты нас спустила, а отца твоего и мать твою и братьев твоих, все семейство отца твоего собери к себе в дом твой; и если кто-нибудь выйдет из дверей твоего дома вон, того кровь на голове его, а мы свободны будем от сей клятвы твоей; а кто будет с тобою в твоём доме, того кровь на голове нашей, если чья рука коснется его; если же ты откроешь сие наше дело, то мы также свободны будем от клятвы твоей, которою ты нас заклала. Она сказала: да будет по словам вашим! И отпустила их, и они пошли, а она привязала к окну червленую веревку».

За свою веру и помощь лезутчикам Раав получила награду: «А двум юношам, высматривавшим землю, Иисус сказал: пойдите в дом оной блудницы и выведите оттуда ее и всех, которые у нее, так как вы поклялись ей. И пошли юноши, высматривавшие город, в дом женщины и вывели Раав и отца ее и мать ее, и братьев ее, и всех, которые у нее были, и всех родственников ее вывели, и поставили их вне стана Израильского. А город и все, что в нем, сожгли огнем; только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали, в сокровищницу дома Господня. Раав же блудницу и дом отца ее и всех, которые у нее были, Иисус оставил в живых, и она живет среди Израиля до сего дня, потому что она укрыла посланных, которых посылал Иисус для высмотрения Иери хона».

Богословов смущала история Раав, они даже пытались «переквалифицировать» ее из блудницы в хозяйку гостиницы. Иные обвиняли ее во лжи и в предательстве своего народа. Но блудница и язычница Раав стала для христиан примером храбрости и веры.

Египетское предание доносит до нас рассказ о неверной жене, которая, соблазнившись подарками, становится любовницей фараона и использует свое положение в личных целях, в частности чтобы известить своего мужа.

Египтянин Бата по воле богов был женат на самой прекрасной на земле женщине. Однажды прядь ее волос, зацепившись за ветку, упала в море и волны отнесли ее ко дворцу фараона. Волосы источали такое благоухание, что фараон тут же влюбился в красавицу. Он

послал в ее дом женщину с драгоценными нарядами и украшениями, и жена Баты тут же бросила мужа и стала наложницей фараона.

Бата, желая отомстить продажной женщине, превратился в прекрасного быка, и его брат Анупу продал его фараону.

Наложница фараона, узнав мужа под личиной быка, стала ластиться к фараону и уговорила его исполнить свое желание, что бы она ни просила. Когда она сорвала с губ фараона вожделенное обещание, то потребовала убить быка. Фараону не хотелось этого делать, но он был человеком слова. Там, где упали капли его крови, выросли два дерева. Красавица тут же приказала их срубить, и ей никто не посмел возразить. Но когда она сама пришла посмотреть, как будет исполнено ее повеление, щепка от срубленного дерева попала ей в рот, и неверная жена родила Бату в образе ребенка.

Фараон, считая его своим сыном, завещал ему престол. Через некоторое время Бата стал фараоном, казнил неверную жену, призвал к себе Анупу и благополучно правил Египтом тридцать лет до самой своей смерти.

Итак, женщины коварны, злокозненны, продажны. Они используют секс как оружие, как средство для достижения своих целей. Но что свидетельствует об этом? Мифы, рассказанные мужчинами. Мифы, полные страха перед женской сексуальностью и проявлениями женской свободной воли.

В период Античности предположения и вымыслы уступают место доказательствам – литературным, археологическим, изобразительным, – которые создают образ реального мира, в котором удовольствие ощутимо, но мужчина и женщина расплачиваются за него по-разному.

II. Афины: любовь, вино и философия

Великая греческая культура также складывается в городах. В адронах, где пируют философы и правители. Женщины появляются здесь только для того, чтобы развлекать мужчин.

В домах из необожженного кирпича пол – земляной, из галечника или мощеный, известковые стены, мало окон, поэтому в доме темно. Хозяйство устроено вокруг двора: это древнегреческий гинекей, где правит законная супруга, которая живет обособленно, в стороне от мира мужчин. Гречанки редко выходят, но если это происходит, то их лица скрыты от посторонних глаз. В передней части дома, на улице, особенно в андроне, где мужчины принимают себе равных, они почти не появляются. Даже царица Пенелопа, которая сама ведет дом в отсутствие мужа, лишь выходит на порог столовой, где пируют женихи. Да и то ее сын Телемах немедленно прогоняет ее: порядочным женщинам здесь не место. Зато рабыням, служанкам Пенелопы в андроне рады: они подносят вино, мясо баранов, обжаренное на вертеле, а по ночам делят ложе с мужчинами, добывающимися руки их госпожи. За это вернувшийся домой Одиссей повесит их, не зная жалости и не разбираясь, сошлись ли они с женихами по доброй воле или были принуждены силой. Кого интересуют чувства рабынь? Они – порченный товар, их легко выбросить и купить новых.

Не лучше относятся к женщинам и на другом берегу моря, у стен Трои, где идет Троянская война. Два великих греческих царя Агамемнон и Ахилл спорят, как пьяные матросы, о том, кто возьмет на ложе пленницу, благородную девушку по имени Бризеида (дочь Бриса), а кому достанется Хрисеида (дочь Хриса). Ахилл проигрывает в споре и запирается в своем шатре: «Я обиделся, я с вами больше не играю». Только смерть его друга Патрокла побуждает его снова взять в руки оружие. После того как Троя пала, Аякс насилует царевну Кассандру, а Агамемнон забирает ее, чтобы сделать служанкой в своем доме. А тысячи менее знатных пленниц из Малой Азии поступают на рынки Греции. Они будут рабынями: молоть зерно, стирать одежды, работать в полях, готовить еду и делить ложе с хозяином и его подрастающими сыновьями. Их дети тоже станут рабами и рабынями.

Но мужчинам хочется и чего-то большего. Не только покорной женской плоти, но и более изысканных наслаждений. Им нравятся флейтистки, танцовщицы, акробатки, фокусницы. Такие искусные женщины способны украсить пир, сделать его по-настоящему веселым. Но эти женщины должны где-то обучаться, где-то жить, в ожидании, когда их пригласят на пир.

В самых многолюдных кварталах Афин, между кладбищем и улочками с торговцами глиняной посудой, в Пирее, первом порту, где встречаются подвыпившие моряки, греческие и чужеземные торговцы, уличные юноши и девушки откровенно приставали к прохожим. В любое мгновение сладострастие и ревность могли нарушить общественный порядок. Чтобы избежать ненужного беспокойства, достаточно держать этот сброд в закрытых местах или специальных домах, диктерионах, которые станут в Риме лупанариями.

Но в VI веке до н. э. Афины, где развивается демократия, привязаны к патриархальным моральным ценностям. Солон, афинский лидер, контролирует проституцию, которая, по его разумению, необходима для поддержания мира в семьях. Позже оратор Демосфен подведет под это теоретическую базу: «Проститутки нам нужны для удовольствия, наложницы – для ежедневной гигиены, супруги нам рожают законных детей и следят за домашним хозяйством».

Таким образом, Солон – создатель не только афинской демократии, но и отец специальных домов удовольствий.

Две Афродиты

Законодатель прекрасно знает свой народ. В IV веке до н. э. поэт Филемон выражает ему свое почтение: «Ты, Солон, ты написал закон общественной полезности, именно ты первым понял необходимость этого демократического и благотельного установления, Зевс тому – свидетель! Я должен сказать это. Наш город кишел бедными юношами, чей пыл с трудом сдерживала природа, поэтому они свернули с верного пути: для них ты купил, расставил в разных местах женщин, готовых к работе».

В самом деле, достойный мужчина вступает в брак в 40 лет и женится на 12—13-летней девочке, к которой едва пришли первые месячные. Не всякого способна распалить несозревшая плоть, не всякому хватит терпения, чтобы приучить пугливого подростка, не видевшего мужчин, кроме разве что маленьких братьев да отца, время от времени заходившего в гинекей, к обязанностям жены. Быстрое и грубое соитие, фактически изнасилование – и супруг и повелитель оставляет заплаканную жену на руках служанок. И отправляется к женщине, которая некогда обучила его науке любви: к гетере.

Она ждет его, готовая к любовной игре. У египтян гречанки научились изготовлению благовоний, мазей и притираний, которые делали их неотразимыми. Покрасить волосы маслом, настоящим на отваре лаврового листа, так чтобы они сверкали золотом, нарумянить щеки, подвести глаза, оттенить веки, окрасить ресницы и ногти – это искусство гетеры перенимали друг у друга, эти секреты обсуждали, собравшись в укромном месте. Они умели готовить ароматические масла из шалфея, папируса, розы, шафрана, ириса, магнолии, айвы, аниса, можжевельника, и, покидая их ложе, влюбленный надолго запоминал запах кожи и волос любимой женщины. Особенно ценился запах нарда – растения, принадлежащего к семейству валерианы аптечной. Если природа не была щедра к гетере и не одаряла ее пышной копной волос, на помощь приходили кудесники-парикмахеры, которые умели изготавливать парики.

Для того чтобы кожа стала нежной и душистой, гречанки принимали ванны с розовым, ирисовым или лавандовым маслом. Его капали в маленький остродонный флакончик алебастрон, который носили на шнурке между грудями. В угоду желаниям женщин быть красивыми мореходы отправлялись в далекие страны и покупали на вес золота знаменитые аравийские благовония: ладан, мирру, корицу.

Греческий ученый Агатархид рассказывал о благословенных восточных землях: «Внутренние области тех земель покрыты густыми и высокими лесами. Растут там гордые деревья-гиганты – мирра и ладан. Есть между ними и киннамом, и пальма благоухающая. Благоухают, впрочем, не только они, но и множество других растений, даже тростник. Лес напоен таким ароматом, что словами невозможно передать даже и малую часть того блаженства, которое испытывает всякий, кто вдыхает его. С ним ни в какое сравнение не идет тот, что исходит от духами. Благовония, оторванные от своих природных носителей, запечатанные в склянку и состарившиеся в ней, никак не могут соперничать с тем естественным благоуханием, которым одаряют мир эти дивные растения на корню в пору своего цветения и зрелости».

Естественно, этих женщин часто ненавидели законные жены, но и они часто ненавидели законных жен и друг друга. Ведь заветной целью каждой гетеры было выйти замуж и стать почтенной матроной. Или, по крайней мере, обрести постоянного покровителя. В борьбе за благосклонность мужчин соперницы не гнушались прибегать к черной магии. Ночью на перекрестках дорог во имя богини-чародейки Гекаты они жгли ароматические травы и произносили заклинания: «Я связываю Аристоцида и женщин, которые будут появляться у него. Пусть он никогда не поцелует другую женщину или другого мальчика!» или

«Грязная Фетима, чтоб она сдохла! Через эту запись я связываю помолвку и брак Фетимы и Дионисофона, как и его брак с любой другой женщиной, как вдовой, так и девой. . . Пусть он не возьмет никакую другую женщину, кроме меня, пусть только мне будет позволено стареть рядом с Дионисофоном, и никем другим».

Нравственность прибыльна, афиняне устанавливают налог на публичные дома с красноречивым названием *porniko*. Не менее десяти должностных лиц собирают его, и вскоре, как указывает источник, «Солон воздвиг храм Афродите (покровительнице проституток) на деньги с уплаченных налогов от содержательниц публичных домов».

Частные диктерионы также приносят неплохой доход их владельцам. Владеть домом удовольствий – это бизнес, не хуже и не лучше, чем любой другой. Основная трудность – найти в мире мошенников надежного управляющего. Лучше всего на эту роль подходили бывшие проститутки и сутенеры. Они покупают рабов, мужчин или женщин, обучают их делу, присматривают за ними, следят за тем, чтобы удовольствия не были бесплатными. Умирая, богатый Флоктемон оставляет своим детям два публичных дома, один – в Пирее, которым управляет человек без предрассудков, второй – в Керамик, где управляла некая Алкееи, которая давала свои уроки в заведении в Пирее.

Потомкам не остается ничего, кроме развалин пирейского диктериона, около священных ворот. Зато авторы, которые их описывают, многословны.

Есть разные дома для разной публики. Заведения для простого народа очень доходные: быстрый секс, быстрые деньги. Обслуживание клиента стоит немного, рабочий со средним заработком может себе позволить покупать проституток восемь раз в день. Комнаты, закрытые несвежим занавесом, соломенный тюфяк для любовных утех. . . Сцена освещена одной из глиняных ламп с недвусмысленными изображениями, подсказывающими любовникам, как им скоротать время: фелляция, содомия, дриолизм и т. п. «Возможно, ты немного угрюм? Есть вещи, которые тебя огорчают. Двери открыты для тебя. Цена: обол; покорись! Не церемонься! За свои деньги ты получишь все, что хочешь и как ты хочешь», – напишет Плутарх. Девушки выстроены в ряд во дворе; «они появляются обнаженными: таким образом, они не могут не дать то, что обещано», – рассказывает тот же автор. Иногда они оборачивают материей бедра, это знак крайней застенчивости, почти целомудрия. Для тех, кто предпочитает не девушек, существуют публичные дома с юношами: те же правила, та же цена. В одном из таких мест Сократ встречает Феодона из Элиды, которого он сделает учеником. История мальчика-проститута, ставшего философом, такова: при взятии Элиды спартанцами Феодон в числе других военнопленных достался одному из торговцев рабами, который продал его в Афинах содержателю дома проституции. Случайно познакомившись с Сократом, Феодон упросил последнего выкупить его. Именно с Феодоном Сократ беседует в платоновском диалоге, посвященном бессмертию души.

Гетеру Феодоту он не стал брать в ученицы, но тем не менее удостоил беседы. Вот что рассказывает биограф Сократа Ксенофонт:

«Одно время в Афинах жила женщина по имени Феодота, которая отдавалась всякому, кто искал ее любви. Кто-то в присутствии Сократа упомянул о ней и сказал, что красота ее выше всякого описания и что живописцы приходят к ней писать с нее и она показывает им себя настолько, насколько дозволяет приличие.

– Надо бы нам сходить посмотреть, – сказал Сократ, – ведь по одним слухам не представишь себе того, что выше описания.

– Пойдемте со мною сейчас, – отвечал рассказчик.

Так они пошли к Феодоте и застали ее позировавшей перед каким-то живописцем. Они стали смотреть на нее.

Когда живописец закончил, Сократ молвил:

– Друзья мои! Кто кого должен больше благодарить – мы ли Феодоту за то, что она показала нам свою красоту, или она нас за то, что мы на нее смотрели? Не правда ли, если ей полезнее показывать себя, то она должна быть нам благодарна, а если нам полезнее смотреть, то мы ей?

Кто-то заметил, что вопрос его основателен.

– Так вот, – продолжал Сократ, – она уже и сейчас в выигрыше: она получила от нас похвалу, а когда мы разгласим это в публике, она получит еще больше пользы; а нам уже сейчас хочется прикоснуться к тому, на что смотрели, и уйдем мы возбужденные, а уйдя, будем чувствовать томление. Отсюда естественное заключение, что мы – ее поклонники, а она – предмет нашего поклонения.

– Клянусь Зевсом, – отвечала Феодота, – если это так, то я должна бы быть вам благодарной за то, что вы смотрели.

После этого Сократ обратил внимание на то, что сама она – в роскошном наряде, что платье и украшения бывшей при ней матери тщательно подобраны, что у нее много милых служанок, тоже одетых не кое-как, и что вообще дом у нее богато обставлен. Сократ обратился к ней с таким вопросом:

– Скажи, Феодота, есть у тебя земля?

– Нет, – отвечала она.

– Ну так дом доходный?

– И дома нет, – отвечала она.

– Неужели мастерская какая?

– И мастерской нет, – отвечала она.

– Так откуда же у тебя средства? – спросил Сократ.

– Если кто станет моим другом и захочет быть мне благодетелем – вот и появятся средства к жизни.

– Клянусь Герой, Феодота, – сказал Сократ, – превосходная это вещь: иметь стадо друзей гораздо лучше, чем стадо овец, коз и коров. Что же? Ты предоставляешь случаю, чтобы к тебе подлетел друг, как муха, или же и сама придумываешь какие-нибудь способы?

– Какой же я могу найти способ для этого? – спросила Феодота.

– Клянусь Зевсом, – отвечал Сократ, – способ гораздо более пригодный, чем у пауков: ты знаешь, как они охотятся за добычей для удовлетворения своих жизненных потребностей: ткнут тонкую паутину, и что в нее попадет, то и служит им пищей.

– Так и мне ты советуешь соткать какую-нибудь сеть? – спросила Феодота.

– Не думай, что вот так запросто можно поймать такую дорогую добычу, как друга. Разве не видишь, что и при ловле столь малоценной добычи, как зайцы, люди употребляют много хитростей? Зайцы кормятся по ночам, ввиду этого охотники заводят у себя собак, приученных к ночной охоте, и с ними ловят их. Зайцы с наступлением дня убегают; охотники приобретают других собак, которые по запаху чуют, какой дорогой зайцы ушли с пастбища в свое логовище, и отыскивают их. Зайцы так проворно бегают, что исчезают прямо на глазах у охотников. Тогда те добывают себе еще и других собак, быстрых, чтобы они ловили зайцев на бегу. Но зайцы и от них убегают, тогда охотники ставят сети на тропинках, где они бегут, чтобы они попадали в них и запутывались.

– Но как же ловить друзей мне? – спросила Феодота.

– Клянусь Зевсом, вот как, – отвечал Сократ. – Если вместо собаки ты добудешь такого человека, который будет выслеживать и находить тебе богатых любителей красоты, а найдя, устраивать так, чтобы они попали в твои сети.

– Да какие же у меня сети? – спросила Феодота.

– Есть одна, – отвечал Сократ, – и очень ловко обвивающая человека, – твое тело, а в нем душа: она учит тебя, как смотреть на человека, чтоб ему доставить удовольствие; учит

тебя, что человека, заботящегося о тебе, надо принимать с радостью, а кто надут чванством, от того держать двери на запоре; заболел друг – принять в нем участие, навестить его; улыбнулось ему счастье – от всего сердца разделить с ним радость; много внимания оказывает он тебе – быть преданной ему всей душой. А в любви, я уверен, ты можешь быть не только нежной, но и заботливой; что друзья тебе дороги, в этом ты их убеждаешь, я уверен, не словом, а делом.

– Нет, клянусь Зевсом, – отвечала Феодота, – я никаких таких способов не употребляю.

– Однако гораздо лучше, – продолжал Сократ, – обходиться с человеком как должно, сообразуясь с его характером: ведь силой, конечно, не поймает и не удержишь друга; надо делать добро и доставлять удовольствия этому зверю, чтобы он попался в твои сети и никуда не убежал.

– Правда твоя, – согласилась Феодота.

– Ты должна, стало быть, – продолжал Сократ, – прежде всего у людей, относящихся к тебе со вниманием, просить лишь таких услуг, которые им доставляют возможно меньше хлопот, а затем и со своей стороны отвечать им такими же услугами: при этих условиях люди, скорее всего, могут стать друзьями, всего дольше любить и всего больше оказывать добра. Всего приятнее им будет, если то, что у тебя есть, ты будешь дарить им, когда им это нужно: как ты знаешь, даже самое вкусное блюдо кажется невкусным, если подают его, когда еще нет аппетита; а когда человек сыт, оно производит даже отвращение; но если подать кушанье, возбуждив в человеке голод, то оно, хотя бы было и плоховато, кажется очень вкусным.

– Так как же я могла бы возбудить голод к тому, что у меня есть? – спросила Феодота.

– А вот как, клянусь Зевсом, – отвечал Сократ. – Прежде всего, если ты не будешь ни предлагать этого, ни поминать, когда люди сыты, пока не пройдет у них чувство пресыщения и не явится вновь желание; затем, когда у них будет желание, будешь напоминать им о нем лишь в самой скромной форме, так чтобы не казалось, что ты сама навязываешься им со своей любовью, а, напротив, показывай, что ты уклоняешься от этого, пока наконец их страсть не дойдет до высшего предела: в такую минуту те же самые дары имеют гораздо более высокую цену, чем если предлагать их, пока еще нет страсти.

Тут Феодота сказала:

– А почему бы тебе, Сократ, не поохотиться на друзей вместе со мной?!

– Хорошо, если только ты меня уговоришь, – отвечал Сократ.

– А как же мне уговорить тебя? – спросила Феодота.

– Уж об этом ты сама подумай и найди такой способ, если будет надобность во мне, – отвечал Сократ.

– Так ты ходи ко мне почаще, – попросила Феодота.

Тут Сократ, иронизируя по поводу того, что он занимается общественными делами, сказал:

– Нет, Феодота, мне не очень-то легко улучшить свободную минутку: множество своих и общественных дел не дает мне свободы. А к тому же у меня есть подружки, которые ни днем ни ночью не дадут мне уйти от них: они учатся у меня привораживать любовными зельями и заговорами.

– Так ты и это знаешь, Сократ? – удивилась Феодота.

– А как ты думаешь, – отвечал Сократ, – почему и Аполлодор вот и Антисфен никогда от меня не отходят? Почему и Кебет, и Симмий ходят ко мне из Фив? Будь уверена, тут дело не обходится без множества волшебных напитков, заговоров, магических колес!

– Так одолжи ты мне это колесо, – сказала Феодота, – я на тебе прежде всех попробую его, поверчу!

– Нет, клянусь Зевсом, – обещал Сократ, – я не хочу, чтобы меня самого к тебе влекло; хочу, чтобы ты ходила ко мне.

– Хорошо, буду ходить, – отвечала Феодота, – только ты пускай меня к себе!

– Хорошо, буду пускать, – сказал Сократ, – если только у меня дома не будет какой милой, что милее тебя!»

Итак, гетера не только оболъстительница, но и заботливый друг, однако одновременно она не только заботливый друг, но и оболъстительница. Она должна вкрадчиво намекать на свои прелести и распалать клиентов так, чтобы им казалось, что желание зарождается в них само собой.

В борделях для бедняков все проще. Гетерам нет необходимости искусно распалать вожделие пресыщенных клиентов; моряки, крестьяне, ремесленники, которые приходят к ним, неизменно полны похоти. Расходы меньше, но меньше и доходы.

У блудниц нет определенных часов работы, они живут прямо там, где работают, и работают там, где живут. Здесь царят запахи чеснока, лука, похлебки, смешанные с запахом дешевого секса и невымытых тел. В свободные часы между двумя клиентами они рассказывают друг другу те же истории, что и в публичных домах остального мира. Они обмениваются советами, как оставаться привлекательными и отсрочить тот день, когда им придется просить милостыню на перекрестках.

Они развлекаются, вспоминая своих клиентов: очень толстые, очень маленькие, очень жирные, непристойные, неумелые, девственники... Некоторым везет: они находят богатых, влюбляют их в себя и те приносят подарки; эти редкие источники дохода заслуживают того, чтобы за них бились. Поэтому девушки часто ссорятся и дерутся до тех пор, пока содержательница публичного дома не восстановит порядок.

Она командует всеми: сильная женщина, хороший распорядитель, она сладкоречива с новым клиентом, умеет поддерживать порядок, ведет торговлю, советует, устраивает клиента, получив от него деньги...

Вопреки Солону проституция просачивается на улицы. Проституток нетрудно узнать: краска на лице, соблазнительные жесты, недвусмысленные выражения, и для простодушных прохожих их подбитые гвоздями сандалии оставляли за собой слова: «Следуй за мной». В начале IV века до н. э. комический поэт Эбулос пишет: «Вы намалеваны свинцовыми белилами, ваши щеки намазаны соком тутовой ягоды... Выйдите светлым днем, и [все увидят]: два черных ручейка текут из ваших глаз и крупные капли пота текут с ваших щек по вашей шее, оставляя красные борозды; в это время ваши растрепанные волосы, прикрывающие лицо, совсем серые, настолько они испорчены белилами».

Уличные девушки и юноши заставляют мечтать любителей свежей плоти.

О, торговка розами!

Ты как этот цветок!

Если хочешь, поговорим о другом:

Ты продаешь прекрасные букеты?

Или ты продаешь свою красоту?

Но, может, ты продаешь и то и другое?

Не обходится без недоразумений:

Я видел мальчишку, который плел

Потрясающие гирлянды

В то время, когда я проходил

По рынкам, где продаются подобные вещи.

Однако я был поражен. Я сказал нежно:

Сколько стоит твой цветок?

Твой алый бутон?

Он ответил: «Уходи! Иначе

Мой отец увидит тебя!»
Я купил для вида один из его венков.
Вернувшись домой,
Я их подарил богам...

Споры, описанные в «Диалогах»

На мужской проституции и гомосексуальной любви в Греции нужно остановиться отдельно, так как эта тема вызывает много кривотолков и домыслов. Прежде всего нужно понять, что гомосексуальная страсть отнюдь не рассматривалась греками как низкая и предосудительная, напротив, они считали, что она питается самыми высокими и чистыми чувствами.

Эту идею развивает в платоновском диалоге «Пир» один из пирующих – Павсаний.

«Все мы знаем, что нет Афродиты без Эрота, – говорит он, – следовательно, будь на свете одна Афродита, Эрот был бы тоже один; но коль скоро Афродиты две, то и Эротов должно быть два. А этих богинь конечно же две: старшая, что без матери, дочь Урана, которую мы и называем поэтому небесной, и младшая, дочь Дионы и Зевса, которую мы имеем пошлой. Но из этого следует, что и Эротов, сопутствующих обеим Афродитам, надо именовать соответственно небесным и пошлым. Хвалить следует, конечно, всех богов, но я попытаюсь определить свойства, доставшиеся в удел каждому из этих двоих...

Так вот, Эрот младшей, пошлой Афродиты поистине пошл и способен на что угодно; это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные. А такие люди любят, во-первых, женщин не меньше, чем юношей; во-вторых, они любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души, и, наконец, любят они тех, кто поглупее, заботясь только о том, чтобы добиться своего, и не задумываясь, прекрасно ли это. Вот почему они и способны на что угодно – на хорошее и на дурное в одинаковой степени. Ведь идет эта любовь, как-никак, от богини, которая не только гораздо моложе другой, но и по своему происхождению причастна и к женскому и к мужскому началу. Эрот же Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому, – недаром это любовь к юношам, – а во-вторых, старше и чужда преступной дерзости. Потому-то одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильней от природы и наделено большим умом.

Но и среди сластолюбцев можно узнать тех, кем движет только такая любовь. Ибо любят они не малолетних, а тех, у кого уже обнаружился разум, а разум появляется обычно с первым пушком. Те, чья любовь началась в эту пору, готовы, мне кажется, никогда не разлучаться и жить вместе всю жизнь; такой человек не обманет юношу, воспользовавшись его неразумием, не переметнется от него, посмеявшись над ним, к другому.

Надо бы даже издать закон, запрещающий любить малолетних, чтобы не уходило много сил неизвестно на что; ведь неизвестно заранее, в какую сторону пойдет духовное и телесное развитие ребенка – в дурную или хорошую. Конечно, люди достойные сами устанавливают себе такой закон, но надо бы запретить это и поклонникам пошлым, как запрещаем мы им, насколько это в наших силах, любить свободнорожденных женщин. Пошлые же люди настолько осквернили любовь, что некоторые утверждают даже, будто уступать поклоннику предосудительно вообще.

Но утверждают-то они это, глядя на поведение как раз таких людей и видя их назойливость и непорядочность, ибо любое дело, если только оно делается непристойно и не так, как принято, не может не заслужить порицания.

А дело, по-моему, обстоит вот как. Тут все не так просто, ибо, как я сказал вначале, ни одно действие не бывает ни прекрасно, ни безобразно само по себе: если оно совершается прекрасно – оно прекрасно, если безобразно – оно безобразно. Безобразно, стало быть, угождать низкому человеку, и притом угождать низко, но прекрасно – и человеку достойному, и достойнейшим образом. Низок же тот пошлый поклонник, который любит тело больше, чем душу; он к тому же и непостоянен, поскольку непостоянно то, что он любит. Стоит лишь

отцвести телу, а тело-то он и любил, как он «упорхнет, улетаая», посрамив все свои многословные обещания. А кто любит за высокие нравственные достоинства, тот остается верен всю жизнь, потому что он привязывается к чему-то постоянному.

Поклонников у нас принято хорошенько испытывать и одним угождать, а других избегать. Вот почему наш обычай требует, чтобы поклонник домогался своего возлюбленного, а тот уклонялся от его домогательств: такое состязание позволяет выяснить, к какому разряду людей принадлежат тот и другой. Поэтому считается позорным, во-первых, быстро сдаваться, не дав пройти какому-то времени, которое и вообще-то служит хорошей проверкой; во-вторых, позорно отдаваться за деньги или из-за политического влияния поклонника, независимо от того, вызвана ли эта уступчивость страхом перед нуждой или же неспособностью пренебречь благодарениями, деньгами или политическими расчетами. Ведь такие побуждения ненадежны и преходящи, не говоря уже о том, что на их почве никогда не вырастает благородная дружба. И значит, достойным образом угождать поклоннику можно, по нашим обычаям, лишь одним путем. Мы считаем, что если поклонника, как бы рабски ни служил он по своей воле предмету любви, никто не упрекнет в позорном угодничестве, то и другой стороне остается одна непозорная разновидность добровольного рабства, а именно рабство во имя совершенствования.

И в самом деле, если кто-нибудь оказывает кому-нибудь услуги, надеясь усовершенствоваться благодаря ему в какой-либо мудрости или в любой другой добродетели, то такое добровольное рабство не считается у нас ни позорным, ни унижительным. Так вот, если эти два обычая – любви к юношам и любви к мудрости и всяческой добродетели – свести к одному, то и получится, что угождать поклоннику – прекрасно. Иными словами, если поклонник считает нужным оказывать уступившему юноше любые, справедливые, по его мнению, услуги, а юноша в свою очередь считает справедливым ни в чем не отказывать человеку, который делает его мудрым и добрым, и если поклонник способен сделать юношу умнее и добродетельней, а юноша желает набраться образованности и мудрости, – так вот, если оба на этом сходятся, только тогда угождать поклоннику прекрасно, а во всех остальных случаях – нет. В этом случае и обмануться не позорно, а во всяком другом и обмануться и не обмануться – позор одинаковый. Если, например, юноша, отдавшийся ради богатства богатому, казалось бы, поклоннику, обманывается в своих расчетах и никаких денег, поскольку поклонник окажется бедняком, не получит, этому юноше должно быть тем не менее стыдно, ибо он-то все равно уже показал, что ради денег пойдет для кого угодно на что угодно, а это нехорошо. Вместе с тем, если кто отдался человеку на вид порядочному, рассчитывая, что благодаря дружбе с таким поклонником станет лучше и сам, а тот оказался на поверку человеком скверным и недостойным, – такое заблуждение все равно остается прекрасным. Ведь он уже доказал, что ради того, чтобы стать лучше и совершеннее, сделает для кого угодно все, что угодно, а это прекрасней всего на свете. И стало быть, угождать во имя добродетели прекрасно в любом случае.

Такова любовь богини небесной: сама небесная, она очень ценна и для государства, и для отдельного человека, поскольку требует от любящего и от любимого великой заботы о нравственном совершенстве. Все другие виды любви принадлежат другой Афродите – пошлой».

С ним согласен еще один собеседник, Федр: «Я, по крайней мере, не знаю большего блага для юноши, чем достойный влюбленный, а для влюбленного – чем достойный возлюбленный. Ведь тому, чем надлежит всегда руководствоваться людям, желающим прожить свою жизнь безупречно, никакая родня, никакие почести, никакое богатство, да и вообще ничто на свете не научит их лучше, чем любовь. Чему же она должна их учить? Стыдиться постыдного и честолюбиво стремиться к прекрасному, без чего ни государство, ни отдельный человек не способны ни на какие великие и добрые дела. Я утверждаю, что, если влюб-

ленный совершит какой-нибудь недостойный поступок или по трусости спустит обидчику, он меньше страдает, если уличит его в этом отец, приятель или еще кто-нибудь, – только не его любимец. То же, как мы замечаем, происходит и с возлюбленным: будучи уличен в каком-нибудь неблагоприятном поступке, он стыдится больше всего тех, кто его любит. И если бы возможно было образовать из влюбленных и их возлюбленных государство или, например, войско, они управляли бы им наилучшим образом, избегая всего постыдного и соревнуясь друг с другом; а сражаясь вместе, такие люди даже и в малом числе побеждали бы, как говорится, любого противника: ведь покинуть строй или бросить оружие влюбленному легче при ком угодно, только не при любимом, и нередко он предпочитает смерть такому позору; а уж бросить возлюбленного на произвол судьбы или не помочь ему, когда он в опасности, – да разве найдется на свете такой трус, в которого сам Эрот не вдохнул бы доблесть, уподобив его прирожденному храбрецу? И если Гомер говорит, что некоторым героям отвагу внушает бог, то любящим дает ее не кто иной, как Эрот».

Того же мнения придерживается и Сократ в диалоге «Пир».

«Одна ли Афродита, или две, – небесная и всенародная, – не знаю: ведь и Зевс, по общему признанию, один и тот же, имеет много прозваний; но что отдельно для той и другой воздвигнуты алтари и храмы и приносятся жертвы, – для всенародной менее чистые, для небесной более чистые, – это знаю. Можно предположить, что и любовь к телу насыщает всенародная, а к душе, к дружбе, к благородным подвигам – небесная. Этой любовью, мне кажется, одержим и ты, Каллий. Так сужу я на основании высоких достоинств твоего любимца, а также по тому, что, как вижу, ты приглашаешь отца его на свои свидания с ним: конечно, у благородно любящего нет никаких таких тайн от отца...»

В самом деле, что без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности, это мы все знаем. А кто восхищается духовной стороной, у тех дружба называется приятной и добровольной потребностью; напротив, кто чувствует вожделение к телу, из тех многие бранят и ненавидят нрав своих любимцев; если же и полюбят и тело и душу, то цвет юности скоро, конечно, отцветает; а когда он исчезнет, необходимо должна с ним увянуть и дружба; напротив, душа все время, пока шествует по пути большей разумности, становится все более достойной любви. Далее, при пользовании внешностью бывает и некоторое пресыщение, так что по отношению к любимому необходимо происходит то же, что по отношению к кушаньям при насыщении; а любовь к душе по своей чистоте не так скоро насыщается, однако по этой причине она не бывает менее приятной; нет, тут явно исполняется молитва, в которой мы просим богиню даровать нам приятные и слова и дела. И действительно, что восхищается любимцем и любит его душа, цветущая изящной внешностью и нравом скромным и благородным, которая способна уже среди сверстников первенствовать и отличается любезностью, – это не нуждается в доказательстве; а что такой любящий естественно должен пользоваться взаимностью, я и это докажу. Так, прежде всего, кто может ненавидеть человека, который, как ему известно, считает его высоконравственным? Который, как он видит, о нравственности партнера заботится больше, чем о своем собственном удовольствии? Если, сверх того, он верит, что дружба с его стороны не уменьшится, когда его юность пройдет или когда он от болезни потеряет красоту? А если люди взаимно любят друг друга, разве не станут они смотреть один на другого с удовольствием, разговаривать с благожелательностью, оказывать доверие друг другу, заботиться друг о друге, вместе радоваться при счастливых обстоятельствах, вместе горевать, если постигнет какая неудача, радостно проводить время, когда они находятся вместе и здоровы, а если кто заболит, находиться при нем еще более неотлучно, в отсутствии заботиться друг о друге еще более, чем когда оба присутствуют? Все это разве не приятно? Благодаря таким поступкам они любят эту дружбу и доживают до старости с нею. А того, кто привязан только к телу, за что любить? За то, что он себе берет что ему хочется, а другому оставляет стыд и срам? Или за то, что, стремясь

добиться цели своих желаний, он старательно удаляет от любимого близких людей? Да и за то даже, что он действует на него не насилием, а убеждением, даже и за это он заслуживает скорее ненависти: ведь, кто действует насилием, выставляет себя в дурном свете, а кто действует убеждением, развращает душу убеждаемого. Но даже и тот, кто за деньги продает свою красоту, за что будет любить покупателя больше, чем торговец на рынке? Конечно, и за то, что он, цветущий, имеет дело с отцветшим, красивый – с уже некрасивым, с влюбленным – не влюбленным, и за это он не будет любить его. И действительно, юноша не делит с женщиной, как женщина, наслаждения любви, а трезво смотрит на опьяненного страстью. Поэтому несколько не удивительно, что в нем появляется даже презрение к влюбленному. Если присмотреться, то найдешь, что от тех, кого любят за его нравственные достоинства, не исходит никакого зла, а от бесстыдной связи бывает много преступлений.

Теперь я покажу, что для человека, любящего тело больше души, эта связь и унижительна. Кто учит говорить и поступать как должно, имеет право пользоваться уважением, как Хирон и Финик со стороны Ахилла; а вожделем тела, конечно, будет ходить около него, как нищий: да, он всегда следует за ним, просит милостыню, всегда ему нужен еще или поцелуй, или другое какое прикосновение... И в самом деле, человек, обращающий внимание только на наружность, мне кажется, похож на арендатора земельного участка: он заботится не о том, чтобы возвысить его ценность, а о том, чтобы самому собрать с него как можно больший урожай. А кто жаждет дружбы, скорее похож на собственника имения: он отовсюду приносит, что может, и возвышает ценность своего любимца. То же бывает и с любимцами: знающий, что, отдавая свою наружность, он будет властвовать над влюбленным, естественно, будет относиться ко всему остальному без внимания. Напротив, кто понимает, что, не будучи нравственным, он не удержит дружбу, тот должен более заботиться о добродетели. Величайшее счастье для того, кто желает из любимого юного существа воспитать себе хорошего друга, – это то, что ему и самому необходимо стремиться к добродетели. И действительно, если он сам поступает дурно, не может он близкого ему человека сделать хорошим и, если он являет собою пример бесстыдства и неумеренности, не может он своему любимцу внушить умеренность и стыд... А ты, Каллий, думается мне, должен быть благодарен богам за то, что они внушили тебе любовь к Автолику. Что он честолюбив, это вполне очевидно, коль скоро он готов переносить много трудов, много мук для того, чтобы глашатай объявил его победителем. А если он мечтает не только быть украшением себе и отцу, но получить возможность, благодаря своим высоким достоинствам мужа, делать добро друзьям, возвеличить отечество, воздвигая трофеи по поводу побед над врагами, и благодаря этому стать известным и славным среди эллинов и варваров, то неужели ты думаешь, что он тому самому, в ком видит лучшего помощника в этом, не станет оказывать величайшее уважение? Таким образом, если хочешь ему нравиться, надо смотреть, какого рода знания дали Фемистоклу возможность освободить Элладу; смотреть, какого рода сведения доставили Периклу славу лучшего советника отечеству; надо исследовать также, какие философские размышления помогли Солону дать такие превосходные законы нашему городу; надо доискаться, наконец, какие упражнения позволяют спартамцам считаться лучшими военачальниками...»

Знаменитый греческий историк Плутарх в своем диалоге «Об Эроте» приводит для нас еще один спор, и мы можем представить себе, что преимущества и недостатки того или иного рода любви живо обсуждались греками. Плутарх пишет:

«— Ты, значит, называешь постыднейшим действием сочетание мужчины и женщины, священнее которого нет и не может быть никакого другого соединения?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.